

Анна Ведерникова

Запасной ключ

Повесть

Учебная рукопись, написана редакцией для образца. Автор вымышленный.

1

По четвергам у Олега был вечерний спектакль, и Нина приходила в половине седьмого.

Поднимаясь на третий этаж, у неё каждый раз начинало колотиться сердце. Ключ входил в замок туго, словно нехотя, с тем же коротким скрипом, что и пять лет назад, когда она сама заказывала этот замок у мастера с рынка и торговалась за каждые сто рублей. Олег так и не поменял его. Нина каждый раз думала об этом на площадке третьего этажа, пока искала ключ в кармане пальто, и каждый раз не знала, что с этой мыслью делать. Если человек не меняет замок, значит ли это что-нибудь? Или это значит только то, что человеку лень вызывать мастера?

В прихожей пахло его одеколоном и чем-то новым, сладковатым, словно дыня. Нина разулась, поставила сапоги на газету, чтобы не наследить, и прошла на кухню, не включая свет в коридоре. Свет в коридоре был виден с улицы через стеклянную дверь балкона, это она тоже помнила.

На кухне всё было почти как раньше. Хлебница с отбитым углом. Календарь с котами, который Олегу каждый год дарила его тётка из Рыбинска, открыт на сентябре, хотя был уже октябрь. На подоконнике фикус, который Нина когда-то принесла с работы умирающим и выходила. Земля в горшке была сухая и отходила от стенок.

Она налила воды в банку из-под огурцов и полила фикус. Потом вымыла банку и поставила её на место, горлышком вниз, как ставила всегда. Перевернула календарь на октябрь. Подумала и перевернула обратно.

В ванной на стеклянной полке стояли две зубные щётки. Одна синяя, Олега. Вторая розовая, с прозрачной ручкой, в которой плавали блёстки. Нина долго смотрела на эту щётку, и сердце её почему-то сжалось. Потом взяла её, поднесла к лицу и понюхала, сама не понимая зачем. Щётка пахла мятой, как все щётки на свете.

Она поставила её обратно, чуть повернув, чтобы та стояла ровно так, как стояла. Нина поймала себя на том, что задержала дыхание, словно боялась кого-то разбудить.

В комнату она заходить не стала. Постояла на пороге, посмотрела на диван, на сбитый в угол плед, на письменный стол, заваленный проводами и какими-то коробочками с кнопками, которые Олег вечно приносил из театра чинить и никогда не чинил. На полу у дивана лежал носок. Нина подняла его и положила на батарею.

В восемь двадцать она вышла, заперла дверь на два оборота и спустилась по лестнице пешком. На втором этаже приоткрылась дверь, и в щели показалось лицо Зои Ильиничны.

— Ниночка, ты? А я слышу, кто-то ходит.

— Я, Зоя Ильинична.

— А Олег где? На работе?

— На работе.

— Ну иди, иди, темно уже. Привет ему передавай.

Нина пообещала передать. На улице моросило. До остановки было семь минут, и все семь минут она думала о том, что Зоя Ильинична, видимо, так ничего и не знает про развод, и что надо бы ей сказать, и что она, конечно, не скажет. Иногда молчать проще, чем говорить правду, даже если правда уже никому не нужна.

2

Нина Сергеевна Кольцова работала инженером технического надзора в управляющей компании «Северный квартал» девятый год. В её обязанности входило осуществление контроля за качеством работ, выполняемых подрядными организациями, составление актов осмотра и участие в комиссионных обследованиях жилого фонда. Работу свою она знала и, как ей казалось, любила, хотя никогда не задавалась этим вопросом всерьёз. Ей нравилось, что у любой трещины есть причина и что причину можно найти, если смотреть внимательно.

В пятницу утром её вызвала к себе Валентина Петровна, заместитель директора.

— Нина Сергеевна, тут такое дело, — сказала Валентина Петровна и подвинула к ней через стол тонкую папку. — Кровля на Первомайской, четырнадцать. Надо подписать приёмку.

Нина открыла папку. Акт о приёмке выполненных работ по ремонту мягкой кровли, площадь четырёхсот двадцать квадратных метров, подрядчик ООО «Стройресурс». Подписи прораба и представителя подрядчика уже стояли. Не хватало только её.

— Я не выезжала на Первомайскую, — сказала Нина.

— Выезжать не обязательно, там всё сделано.

— Там в августе жильцы с пятого этажа жаловались, что течёт.

— Вот поэтому и сделали. — Валентина Петровна улыбнулась так, как улыбаются детям, которые задают слишком простые вопросы. — Нина Сергеевна, у нас конец года, деньги надо закрыть до пятнадцатого декабря. Вы же понимаете.

Нина тяжело вздохнула и сказала, что понимает и что посмотрит документы. Валентина Петровна сказала, что смотреть там нечего. Нина забрала папку и вернулась за свой стол у окна.

Весь день папка пролежала у неё под клавиатурой. Нина несколько раз доставала её, раскрывала на первой странице и закрывала снова. Сметчица Лариса, которая сидела напротив, спросила, что это у неё такое секретное. Нина пожала плечами и ответила, что ничего, текучка.

Вечером она положила папку в сумку и унесла домой, хотя вынос документации за пределы организации был запрещён внутренним положением о документообороте.

Дома она поставила разогревать гречку и села на табуретку у плиты. Квартира у неё была однокомнатная, на девятом этаже панельного дома в Брагино, купленная после развода на её долю и на деньги, оставшиеся от мамы. За полтора года Нина так и не повесила в комнате шторы. Шторы лежали в пакете на шкафу. Каждый раз, когда она думала о том, чтобы их повесить, ей почему-то становилось нехорошо, словно повесить шторы значило с чем-то согласиться.

Гречка подгорела. Нина ест её прямо из кастрюльки, стоя у окна, и смотрит, как внизу на парковке мужчина в спортивном костюме пытается завести машину. Машина чихает и не заводится. Мужчина выходил, открывал капот, смотрел внутрь, закрывал капот и снова

садился за руль. Нина досмотрела до конца. Машина так и не завелась, и мужчина ушёл, оставив её с открытым багажником.

Папку она в тот вечер так и не открыла. Есть вещи, которые проще не открывать.

3

С Олегом Нина познакомилась в девяносто девятом году на дне рождения общей знакомой. Он был звукорежиссёром в драмтеатре, она заканчивала строительный институт. Он был весёлый, много курил и умел изображать голоса всех артистов труппы. Она была серьёзная, носила очки и не понимала половины его шуток, но смеялась, потому что смеялись все. Через полгода они поженились, а Тимофей родился только в две тысячи пятом, когда они уже почти перестали ждать. Жили у матери Олега на Чайковского, в двухкомнатной квартире с высокими потолками и балконом во двор, а когда мать Олега умерла, квартира перешла к нему.

Жили они, как Нина считала, нормально. Олег работал по вечерам, она по утрам, и виделись они в основном по выходным. Ссорились редко. Олег не любил ссориться, он просто пожимал плечами и уходил на балкон курить, и Нина оставалась на кухне одна, и ссора как-то сама собой заканчивалась. В две тысячи восьмом году у них был тяжёлый период, когда театр полгода не платил зарплату и Олег подрабатывал на свадьбах, приходил под утро и спал до обеда. Нина тогда тянула семью на свою зарплату и ни разу его не упрекнула, чем, как ей казалось, он должен был быть ей благодарен. Потом зарплату стали платить, и всё вернулось на свои места.

Тимофей рос спокойным мальчиком, хорошо учился, ходил в шахматный кружок. В девять лет он тяжело переболел пневмонией и две недели пролежал в областной больнице, и Нина все две недели ночевала там на раскладушке, а Олег приходил по вечерам после спектакля и приносил апельсины. Это время Нина вспоминала потом как одно из самых близких в их браке, хотя никогда не могла объяснить себе почему. В две тысячи пятнадцатом году умерла Нинина мама, и Нина долго не могла прийти в себя, а Олег в этот период был очень внимателен и заботлив, сам занимался похоронами и всеми вопросами, связанными с оформлением документов на наследство. В две тысячи двадцать третьем году Тимофей поступил в Политех в Петербурге и уехал.

Через три месяца после этого Олег сказал, что уходит.

Разговор происходил на кухне в воскресенье вечером. Олег сказал, что давно об этом думал, что никого у него нет и дело не в этом, что Нина ни в чём не виновата. Он сказал, что ему с ней тихо, как в больнице. Нина спросила, что это значит. Олег долго молчал, потом сказал, что сам не знает, и что, наверное, это ничего не значит, и что он просто устал. Нина плакала. Сердце сжалось так, что стало трудно дышать. Олег вдруг тоже заплакал, и это было для неё самым неожиданным, потому что за двадцать четыре года она ни разу не видела его плачущим. Потом он ушёл курить на балкон, а она осталась на кухне.

Хотя квартира принадлежала Олегу, уехать из неё пришлось Нине, потому что так было правильно и понятно всем. Развод оформили через ЗАГС в январе, поскольку совместных несовершеннолетних детей у них не имелось и имущественных претензий стороны друг к другу не предъявляли. Олег отдал ей половину денег, которые они откладывали на машину, и помог перевезти вещи. Её ключ от квартиры на Чайковского остался у неё на связке. Олег про

него не спросил, а она не напонила. Потом, когда она разбирала коробки в Брагино, ключ попался ей на глаза, и она подумала, что надо бы его отдать, и повесила связку на гвоздик у двери.

Первый раз она пришла на Чайковского в марте. Ей нужно было забрать мамину швейную машинку, которую она забыла на антресолях. Она позвонила Олегу, он сказал, что будет на спектакле, но она может зайти сама, ключ же у неё. Она зашла, сняла машинку с антресолей и уже стояла в дверях, когда поняла, что не хочет уходить. Она поставила машинку на пол, прошла на кухню и просидела там час, не снимая пальто, сама не зная зачем.

Потом она пришла ещё раз, уже без всякого повода. Потом стала приходить по четвергам.

Она и сама не знала, зачем это делает.

Так прошёл октябрь.

Нина приходила по четвергам в половине седьмого и уходила в половине девятого или чуть позже. Она поливала фикус, мыла посуду, если в раковине была посуда, выносила мусор, если ведро было полное. Однажды она нашла в ванной на стиральной машине его рубашки, мятые, сваленные в кучу, и погладила их все, пять штук, и сложила стопкой в шкафу. Потом вдруг испугалась, что он заметит, и хотела снова их помять, но не смогла заставить себя это сделать и ушла.

Он ничего не заметил. Или заметил, но не позвонил. Нина неделю ждала звонка, вздрагивала, словно от удара током, каждый раз, когда звонил телефон, а потом перестала ждать.

В следующий четверг она сварила ему суп. Это было уже совсем глупо, она это понимала, когда стояла в магазине у прилавка с курицей. Но она купила курицу, морковь, лук и вермишель-паутинку, которую Олег любил, и сварила суп в его кастрюле на его плите, и оставила кастрюлю на плите, а потом, уже одев пальто, вернулась, вылила суп в унитаз, вымыла кастрюлю и поставила её на место. Некоторые вещи делаешь не для того, кто их съест, а для того, чтобы руки помнили.

Ещё через неделю она сняла с полки в комнате свадебный альбом. Альбом стоял там же, где всегда, между энциклопедией «Музыкальные инструменты» и папкой с Тимкиными грамотами, и Нина удивилась, что Олег не убрал его куда-нибудь подальше. Она села на пол, прислонившись спиной к дивану, и листала альбом почти час. На фотографиях она была худая, с короткой стрижкой, которая ей совсем не шла, а Олег был с длинными волосами и в пиджаке, который ему одолжил кто-то из артистов. На одной фотографии они стояли у Вечного огня, и Олег делал вид, что прикуривает от него, а она смотрела на него с таким выражением, которого Нина у себя не помнила. Нина поймала себя на том, что улыбается. Потом тяжело вздохнула и долго разглядывала это выражение. Потом поставила альбом на место, точно между энциклопедией и грамотами, корешком наружу.

По дороге домой она думала о том, что делает. Ей хотелось понять. Она не хотела, чтобы Олег вернулся. Или хотела? Она не знала. Она не хотела ему мстить, она не хотела ничего у него брать, она ничего и не брала, даже ручки, даже спички. Она не ревновала к розовой щётке. Или ревновала? Она прислушивалась к себе и ничего определённого не слышала. Внутри было тихо, как в больнице.

В понедельник на работу пришёл Геннадий Павлович Сурков с Первомайской, четырнадцать, квартира сорок восемь, пятый этаж. Это был высокий старик в военной куртке без погон, с прямой спиной и полиэтиленовым пакетом в руках. Из пакета он достал распечатанные на принтере фотографии и разложил их у Нины на столе, как пасьянс.

— Вот, — сказал он. — Это сентябрь. Это октябрь. А это вчера.

На фотографиях был потолок. Сначала на нём было одно жёлтое пятно размером с тарелку, потом три пятна, потом одно большое, на полкомнаты, с тёмной каймой по краю. На последней фотографии под пятном стоял эмалированный таз.

— Жена ночью встаёт воду выносить, — сказал Геннадий Павлович. — Ей семьдесят девять лет. Я вас ни о чём не прошу, я просто хочу, чтобы вы посмотрели.

Нина смотрела на фотографии, и сердце у неё почему-то сжалось. Она чувствовала, как через стол, через три метра, Валентина Петровна, которая как раз зашла к Ларисе за какими-то сметами, тоже смотрит на эти фотографии.

— Мы направим к вам комиссию, — сказала Нина. — Я лично приеду.

— Когда?

— На этой неделе.

Геннадий Павлович аккуратно собрал фотографии обратно в пакет, кивнул и ушёл. Он не поверил ей, это было видно по спине. Нина записала адрес в ежедневник и обвела его рамочкой.

В субботу позвонил Тимофей.

— Мам, привет. Ты как?

— Нормально. Ты как? Ты поел?

— Мам. Я нормально. Слушай, я на Новый год, наверное, не приеду. Мы с ребятами в Карелию собираемся.

— Хорошо.

— Ты не обиделась?

— Нет, конечно. Почему я должна обижаться.

— Ну мало ли. Ты у папы была?

Нина замерла с телефоном у уха, словно её окликнули на улице.

— В каком смысле?

— Ну, просто. Он говорил, что вы иногда видите.

— Иногда видимся, — сказала Нина. — Редко.

Тимофей рассказал про учёбу, про соседа по общежитию, который завёл хомяка, про то, что в Петербурге уже лежит снег. Нина слушала и не слышала. После разговора она долго сидела на табуретке у плиты и пыталась понять, что Олег имел в виду, когда говорил сыну, что они видятся. Они не виделись с марта.

5

В ноябре ничего особенного не происходило.

Нина продолжала приходиться по четвергам. В квартире на Чайковского постепенно появлялось всё больше признаков присутствия другой женщины: сначала это была только щётка, потом на вешалке в прихожей появился бежевый плащ, потом на полке в ванной крем для рук, потом в холодильнике обезжиренный творог, который Олег не ел никогда в жизни. Нина фиксировала каждое изменение, как фиксировала на работе дефекты при осмотре: трещина в штукатурке, отслоение окрасочного слоя, следы протечки на потолке. Она даже поймала себя на том, что мысленно составляет акт. «Комиссия в составе одного человека произвела осмотр жилого помещения и установила следующее».

Она стала читать почту. Не письма, писем Олегу никто не писал, а квитанции, счета и рекламу, которые копились на тумбочке в прихожей. Из квитанций она узнала, что Олег не платит за капремонт уже четыре месяца, что у него подключили какой-то новый тариф на интернет и что он записался в спортзал на Свободы. В спортзал! Олег, который за двадцать четыре года ни разу не сделал зарядку. Нина долго держала в руках этот рекламный буклет с абонементом, вложенным внутрь, и не могла понять, почему ей так обидно, словно её в чём-то обманули.

На холодильнике под магнитом в виде Эйфелевой башни висела записка: «Олежа, купи хлеба и что-нибудь к чаю. Целую. С.». Почерк был круглый, с наклоном влево, буква «д» с длинным хвостом. Нина прочитала записку несколько раз. Потом достала из сумки ручку и, сама не зная зачем, переписала её себе в ежедневник, на ту же страницу, где был обведён рамочкой адрес на Первомайской.

В один из четвергов в середине ноября Нина пришла, а в квартире было натоплено и пахло жареной картошкой, и на плите стояла сковородка, ещё тёплая. Видимо, Олег ушёл совсем недавно. Нина постояла над сковородкой, словно над чужим письмом. Потом взяла вилку и съела несколько ломтиков прямо со сковородки, холодных, пересоленных. Олег всегда пересаливал. Она помнила это так же точно, как свой номер телефона.

Ей стали сниться сны про квартиру на Чайковского. Во сне квартира была больше, чем на самом деле, комнаты тянулись одна за другой, словно вагоны поезда, и в каждой комнате кто-то жил, и Нина ходила из комнаты в комнату и искала свою, но не находила. Иногда во сне она встречала Олега, и он вдруг говорил ей что-то важное, но, проснувшись, она не могла вспомнить, что именно. Иногда ей снится мама, которая сидит на кухне на Чайковского и пьёт чай из Нининой чашки. Мама никогда не была в этой квартире после того, как Нина вышла замуж, потому что не ладил с матерью Олега, и во сне это казалось очень странным.

Однажды она принесла с собой свою чашку, белую, с синей полоской по краю, из которой пила на Чайковского восемнадцать лет и которую при переезде взяла с собой. Она заваривала в ней чай, выпила, вымыла и поставила в сушилку рядом с его чашками. Чашка стояла там и выглядела так, будто никогда никуда не уходила. Нина смотрела на неё из прихожей, уже одев пальто, и сердце сжалось: ей очень хотелось её оставить. В последний момент она

вернулась, завернула чашку в салфетку и положила в сумку. Дома она поставила чашку в шкаф и больше из неё не пила.

На работе Лариса как-то в обед спросила её, есть ли у неё кто-нибудь. Нина ответила, что нет. Лариса сказала, что так нельзя, что в сорок восемь лет жизнь только начинается, и стала рассказывать про сайт знакомств, на котором её двоюродная сестра нашла себе прекрасного мужчину, вдовца, с дачей в Туношне. Нина слушала, пожимала плечами и кивала. Лариса предлагала помочь ей составить анкету и даже сфотографировать её на телефон у окна, где хороший свет. Нина сказала, что подумает. Ей было неловко объяснять Ларисе, что у неё, в некотором смысле, уже есть место, куда она ходит по четвергам, и что этого пока достаточно. Лариса ещё несколько дней возвращалась к этой теме, а потом переключилась на ремонт у себя в ванной.

Папка с актами по Первомайской всё ещё лежала у неё в сумке. Валентина Петровна дважды напоминала ей про подпись, и Нина дважды отвечала, что почти досмотрела. На Первомайскую она так и не съездила, хотя каждый понедельник переносила это в ежедневнике на следующую неделю.

Зоя Ильинична теперь караулила её каждый четверг. Она выходила на площадку в халате и шерстяных носках и рассказывала Нине про давление, про сына в Мурманске, про то, что в доме опять отключали горячую воду. Нина слушала. Однажды Зоя Ильинична сказала, что видела у Олега какую-то женщину, молоденькую, в бежевом плаще.

— Ты, Нина, смотри, — сказала Зоя Ильинична, понизив голос. — Мужики, они такие. Я своего двадцать лет караулила.

Нина ответила, что это, наверное, кто-то из театра. Зоя Ильинична покачала головой и закрыла дверь. Нина спустилась вниз и вышла на улицу. Было холодно и сухо, впервые за месяц подморозило. Она шла к остановке и смеялась, сама не зная чему, и мужчина, который шёл навстречу с собакой, посмотрел на неё с опаской, словно на сумасшедшую.

Дома она достала из пакета на шкафу шторы и разложила их на полу. Шторы были серые, плотные, купленные ещё на Чайковского для спальни и так там и не повешенные, потому что Олег сказал, что они мрачные. Нина посмотрела на них, тяжело вздохнула и сложила обратно.

В остальном ноябрь прошёл так же, как октябрь. На работе было много вызовов в связи с началом отопительного сезона: где-то не грели батареи, где-то, наоборот, прорвало стояк, и Нина ездила по адресам, составляла акты и возвращалась домой поздно, уставшая и пустая, словно выжатая тряпка. По четвергам она ходила на Чайковского. По выходным убиралась, стирала, смотрела сериалы. Один раз съездила на кладбище к маме, поправила ограду, посидела на скамейке. Один раз ходила с Ларисой в кино на какую-то комедию, из которой потом ничего не могла вспомнить. Данный период её жизни, если бы её попросили его описать, она описала бы словом «никак». Внутри было тихо, как в больнице.

Декабрь начался так же, как закончился ноябрь.

6

В первый четверг декабря Нина столкнулась со Светой.

Это произошло на лестнице между вторым и третьим этажом. Нина спускалась, Света поднималась, в руках у неё был пакет из «Пятёрочки» и букет хризантем. Нина сразу узнала бежевый плащ, и сердце у неё сжалось. Света оказалась старше, чем она себе предоставляла по рассказам Зои Ильиничны: лет тридцать пять, может быть, тридцать восемь. Светлые волосы, собранные в хвост, усталое лицо, хорошие сапоги.

Они разговаривали минут пятнадцать. Света сразу поняла, кто такая Нина, хотя Нина не представилась, видимо, видела фотографии. Света сказала, что работает в театре администратором и что они с Олегом встречаются с лета. Она спросила, что Нина делает в доме, и Нина ответила, что заходила к Зое Ильиничне, потому что та плохо себя чувствует. Света, кажется, поверила. Потом она сказала, что Олег много рассказывал о Нине и всегда говорил о ней хорошо, что ей, Свете, очень неловко и что она надеется, что Нина не держит на неё зла. Нина пожала плечами и сказала, что не держит. Ещё Света сказала, что у неё есть дочь, которой двенадцать лет, и что Олег с ней очень хорошо ладит. Они попрощались почти тепло.

Выйдя на улицу, у Нины тряслись руки. Она зашла в ближайшее кафе, заказала чай с лимоном и просидела там до закрытия. В кафе было почти пусто, играла какая-то песня про любовь, официантка протирала столы. Нина думала о Свете, о её хорошем усталом лице, о хризантемах, о двенадцатилетней дочери, с которой Олег хорошо ладит. С Тимофеем в двенадцать лет Олег почти не разговаривал, потому что не знал, о чём с ним говорить. Ей было жалко Свету, и себя, и Олега, и официантку, и вообще всех. Это было странное чувство, похожее на температуру.

В следующий четверг Нина не пошла на Чайковского. Она вернулась с работы, вскипятила чайник и села у окна. В половине седьмого она посмотрела на часы. В семь посмотрела снова. В восемь вдруг поймала себя на том, что весь вечер просидела в пальто.

Через неделю она пошла снова.

На работе тем временем начались проверки в связи с окончанием финансового года, и Нина задерживалась до позднего вечера. Это было даже кстати. Работа позволяла не думать. Нина составляла акты, выезжала на объекты, ругалась с подрядчиками из-за некачественно выполненной гидроизоляции в подвале на Урицкого. В обеденный перерыв она ела в кабинете бутерброды, принесённые из дома, и читала новости в телефоне, не запоминая ни одной.

В середине декабря она позвонила Тимофею сама, что делала редко, и долго расспрашивала его про учёбу, про общежитие, про хомяка. Потом спросила, знает ли он, что у папы кто-то есть. Тимофей помолчал, словно подбирая слова, и сказал, что знает, что папа их знакомил летом, что Света нормальная, а её дочка Алиса смешная, только в первый класс пошла и всё время спрашивает про Петербург. Нина спросила, почему он ей не сказал. Тимофей сказал, что не хотел её расстраивать, и что папа просил не говорить, пока сам не скажет, и что он думал, что папа уже сказал. Нина сказала, что всё в порядке, что она не расстроилась. После этого разговора она сидела на кухне до двух часов ночи и думала о том,

что все вокруг неё всё знали и все её берегли, и что от этого было обиднее, чем если бы её обманывали. Правда, которую от тебя берегут, всегда тяжелее лжи.

Двадцать седьмого декабря был корпоратив в кафе «Волжанка». Нина не хотела идти, но Валентина Петровна сказала, что явка обязательна, потому что будет директор. Корпоратив прошёл как обычно. Директор сказал тост про итоги года и про то, что коллектив справился с поставленными задачами, все выпили, потом был конкурс, в котором надо было с завязанными глазами угадывать коллег на ощупь, и Нину угадали по очкам. Лариса много танцевала. Валентина Петровна сидела рядом с директором и смеялась его шуткам. Нина ушла в десятом часу, никому не сказав, и шла домой пешком через весь город, потому что почему-то не хотелось садиться в автобус, где светло и все смотрят.

На тот момент времени она уже совсем перестала понимать, зачем ходит на Чайковского. Раньше ей казалось, что она приходит туда что-то найти или что-то понять. Теперь ей казалось, что она приходит туда просто потому, что четверг. Она приходила, поливала фикус, мыла чашки, садилась на кухне и сидела. Иногда она пыталась вспомнить какой-нибудь хороший день из их жизни на Чайковского и не могла выбрать, какой. Хороших дней было много, но они все были похожи друг на друга, словно кафельные плитки, и ни один не был лучше другого.

Новый год она встретила одна. Тимофей позвонил без пяти двенадцать из Карелии, связь была плохая, и они только успели крикнуть друг другу «С Новым годом!». Олег прислал в мессенджер открытку со снеговиком. Нина тяжело вздохнула и долго думала, что ему ответить, и в итоге отправила такую же открытку, только с ёлкой.

В январе театр уезжал на гастроли в Кострому, и Нина знала об этом из афиши на сайте. Гастроли были с десятого по семнадцатое. Значит, квартира будет пустой целую неделю.

Она пришла в субботу днём, впервые не в четверг. Пришла с сумкой, в которой лежали её домашние тапочки, книга и пачка чая. Она сама не очень понимала, что собирается делать. Наверное, просто побыть.

В квартире было холодно, Олег перед отъездом прикрутил батареи. Нина открыла их, поставила чайник и села на кухне с книгой. Читать не получалось. Она смотрела на фикус, на календарь с котами, теперь уже новый, открытый на январе, на свои руки на клеёнке. Потом встала и пошла в комнату. Легла на диван, укрылась пледом и почти сразу уснула.

Проснулась она оттого, что в замке повернулся ключ.

Было уже темно. Нина лежала и слушала, как открывается дверь, как кто-то ставит на пол сумку, как щёлкает выключатель в прихожей. Она не шевелилась. Она подумала, что если не шевелиться, то, может быть, её не заметят, как в детстве, когда она пряталась от матери под одеялом и была уверена, что если ей не видно маму, то и маме не видно её.

— Нин, — сказал Олег из прихожей. — Я знаю, что ты здесь. Твои сапоги.

Она села на диване. Плед сполз на пол.

Олег вошёл в комнату, не снимая куртки, и включил верхний свет. Он похудел, наверное, спортзал. Лицо было серое, уставшее, небритое.

— Гастроли отменили, — сказал он. — Ведущий заболел. Мы с полдороги вернулись.

— Я сейчас уйду, — сказала Нина.

— Сиди.

Он сел на стул у письменного стола, развернув его к дивану. Они помолчали. Было слышно, как на кухне гудит холодильник.

— Давно ты знаешь? — спросила Нина.

— С рубашек.

— С октября.

— С октября, — согласился он. — Ты их по-особому складываешь. Рукава крест-накрест на спину. Никто так не складывает.

Нина посмотрела на свои колени.

— Почему ты не сказал?

— А что я должен был сказать? — Олег потёр лицо ладонями. — Я думал, ты сама перестанешь. Думал, тебе надо. Ну, не знаю. Попрощаться. Я Свете сказал, что ключ только у меня и у тебя и что ты ни за что не придёшь, потому что ты не такая.

— А я какая?

Олег не ответил. Он смотрел на неё долго и внимательно, как смотрят на человека, которого давно не видели и пытаются узнать.

— Суп, — сказал он вдруг. — В ноябре. Я пришёл, а на плите кастрюля чистая, и вся квартира курицей пахнет. Я полчаса сидел и нюхал. Чуть не позвонил тебе.

— Почему не позвонил?

— Испугался.

— Чего?

— Что ты скажешь, что это не ты.

Нина засмеялась, и он тоже засмеялся, и это было так похоже на их старую жизнь, на те редкие вечера, когда они смеялись вместе над чем-нибудь совсем глупым, что у неё перехватило горло.

— Ты Тимке сказал, что мы видимся, — сказала она.

— Сказал. А что, неправда?

— Мы не видимся.

— Ну, — Олег пожал плечами. — Как сказать. Я тебя каждый четверг вижу. По чашкам.

Он встал, вышел на кухню, и она услышала, как он наливает воду в чайник. Нина сидела на диване и смотрела на плед на полу. Она подумала, что надо бы его поднять, и не подняла. Олег вернулся и встал в дверях.

— Нин, — сказал он. — Чего ты хочешь?

Она открыла рот и закрыла его. Она правда не знала. Она могла бы сказать, что хочет вернуться, но это была неправда. Она могла бы сказать, что хочет, чтобы он ушёл от Светы, но и это была неправда. Она могла бы сказать, что хочет понять, почему он ушёл, но она уже, кажется, понимала. Ей было тихо, а ему нужно было, чтобы было громко. Вот и всё.

— Не знаю, — сказала она.

— Ключ отдашь?

Нина достала связку из кармана пальто, которое лежало на подлокотнике, и долго снимала ключ с кольца. Кольцо было тугое, ноготь сломался. Олег не помогал. Она протянула ему ключ, и он взял его и, не глядя, положил в карман куртки.

— Я тебя до остановки провожу, — сказал он.

— Не надо.

Он всё-таки проводил. Они шли молча. На остановке он постоял с ней, пока не подошёл автобус, и, когда она уже поднималась по ступенькам, сказал ей в спину:

— Фикус не забывай. В смысле, я не забуду.

Двери закрылись. Нина села у окна и смотрела, как он стоит на остановке в расстёгнутой куртке и не уходит, пока автобус не повернул за угол.

8

После этого вечера Нина какое-то время чувствовала себя так, будто переболела гриппом. На работе была рассеянна, перепутала адреса в двух актах, и Валентина Петровна сделала ей замечание в присутствии коллег. Дома много спала. В выходные не выходила из квартиры. Олег не звонил, и она не звонила ему. Тимофей звонил один раз, и Нина ничего ему не рассказала.

Постепенно это прошло. Нина вернулась к обычной жизни, если можно было так назвать то, что у неё теперь было вместо жизни. Она ходила на работу, по вечерам смотрела сериалы, по выходным ездила на рынок. В феврале она записалась на курсы английского языка при Доме учёных, сходила на два занятия и бросила. В марте Лариса позвала её на день рождения, и Нина пошла, и даже немного выпила и потанцевала, и потом всю ночь не могла уснуть от сердцебиения.

В феврале же она купила себе фикус. Он стоял в цветочном отделе гипермаркета на нижней полке, со скидкой, с тремя жёлтыми листьями и подписью на ценнике «уценка: внешний вид». Нина принесла его домой, пересадила в новый горшок, поставила на подоконник и стала поливать по четвергам. Фикус сбросил жёлтые листья, потом ещё два зелёных, и Нина решила, что он умрёт, но в начале марта на нём появился новый лист, маленький, плотный, свёрнутый в трубочку. Она долго смотрела на этот лист и почему-то ничего не почувствовала, кроме того, что надо бы протереть подоконник.

Четверги стали самым трудным временем недели. В четверг вечером ей некуда было себя деть. Она пробовала ходить в бассейн, но в бассейне было шумно и пахло хлоркой. Она пробовала задерживаться на работе, но в четверг вечером на работе никого не было и сидеть одной в пустом кабинете было ещё хуже, чем дома. В конце концов она стала просто гулять: выходила из дома в половине седьмого и шла куда глаза глядят, а в половине девятого возвращалась. Один раз ноги сами привели её на Чайковского. Она постояла под окнами, увидела, что на кухне горит свет, и сердце сжалось. Она тяжело вздохнула и ушла.

Она часто думает о том вопросе, который задал ей Олег. Чего она хочет. Ей казалось, что если она найдёт ответ, то всё станет понятно, но ответ не находился. Она хотела, чтобы ничего не болело. Она хотела, чтобы было куда пойти в четверг. Она хотела, чтобы кто-нибудь заметил, как она складывает рубашки. Всё это были не ответы, а какие-то обрывки. Внутри по-прежнему было тихо, как в больнице.

9

В конце марта Нина встретила Зою Ильиничну у аптеки на Свободы. Зоя Ильинична была в той же шапке, что и всегда, и держала в руке пакет с лекарствами.

— Ниночка! А я думаю, ты или не ты. Ты чего не заходишь?

Нина хотела сказать что-нибудь обычное, что много работы, что всё никак, и вдруг сказала:

— Мы развелись, Зоя Ильинична. Давно уже. Два года.

Зоя Ильинична посмотрела на неё снизу вверх, поправила шапку.

— Да я знаю, — сказала она. — Мне Олег ещё тогда сказал. Я думала, ты сама скажешь.

— Почему же вы спрашивали? Про Олега, всё время?

— А тебе разве не приятно было? — Зоя Ильинична пожала плечами. — Я думала, тебе приятно. Идёт человек по лестнице, а ему говорят: привет передавай. Значит, есть кому.

Она взяла Нину под руку, и они вместе дошли до угла, где Зое Ильиничне нужно было сворачивать. На углу Зоя Ильинична сказала, что у неё теперь новые соседи сверху, молодые, с ребёнком, и что ребёнок топает, как слон, но ей нравится, потому что слышно, что живые. Нина проводила её взглядом до подъезда.

Дома Нина сняла пакет со шкафа и достала шторы. Крючков в пакете не оказалось. Она перерыла все коробки в кладовке, нашла старую коробку из-под обуви с надписью «Разное» и в ней, среди батареек, ниток и квитанций за две тысячи девятнадцатый год, крючки. Двадцать штук, белых, пластмассовых. Одного не хватало.

Она встала на табуретку и стала вешать. Это оказалось дольше и труднее, чем она думала. Руки затекали, крючки выскальзывали, один упал и закатился под батарею. Когда она повесила первую штору, уже стемнело, и в окне напротив, в доме через дорогу, зажёгся свет, и Нина увидела женщину, которая стояла у плиты и что-то помешивала в кастрюле.

Нина слезла с табуретки и задёрнула штору. В комнате стало темно и тесно, и как будто тише. Она постояла так, потом снова отдернула штору, наполовину.

Вторую штору она вешать не стала. Пусть пока так.

Был четверг. Она посмотрела на часы: двадцать минут девятого. Скоро можно было ложиться.